

**РУССКО-ПРУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 40-50-е гг. XVIII в.
ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЕЛИЗАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ**

© 2015 М.Ю. Анисимов

Институт российской истории РАН, г.Москва

Поступила в редакцию 09.02.2015

Статья посвящена отношениям России и Пруссии в 40-50-е гг. XVIII в., практически одновременно выдвинувшихся в число великих европейских держав. Их интересы стали сталкиваться на всём пространстве Восточной Европы. В результате это привело к открытому столкновению России и Пруссии в Семилетней войне 1756-1763 гг., в которой появились перспективы ликвидации прусского великодержавия как российского конкурента.

Ключевые слова: Россия, Пруссия, Фридрих II, Елизавета Петровна, российская дипломатия.

Вопросы взаимоотношения России и Пруссии прошли красной нитью через всю внешнюю политику императрицы Елизаветы Петровны (1741-1761), завершившись открытым военным столкновением двух держав в общеевропейской Семилетней войне 1756-1763 гг., отличавшимся крайним упорством обеих сторон и поразившей современников кровавостью сражений между русской и прусской армиями. И это при том, что всего за 13 лет до начала этой войны, в 1743 г., недавно вступившая на российский престол императрица Елизавета заключила оборонительный союз с прусским королём Фридрихом II.

Подобная метаморфоза историками обычно объяснялась просто – Россия не знает своих истинных интересов и проводит свою внешнюю политику в зависимости либо от личных пристрастий Елизаветы, оскорблённой ироничными высказываниями о ней остролова Фридриха II, либо от иностранных денег, способных купить услуги России и направить её куда угодно.

Работ по собственно русско-прусским отношениям времён правления в России императрицы Елизаветы не было с 1882 г., когда своё исследование, ныне малоизвестное, написал Ф.М. Феокистов¹. Не используя архивные документы российской дипломатии тех лет, он тем не менее сделал верные выводы, посчитав Семилетнюю войну логичным завершением всей елизаветинской внешней политики, проводимой в соответствии с государственными интересами. С тех пор появились работы, посвящённые общим и частным вопросам внешней политики России 40-50-х гг. XVIII в. и русско-пруссских отношений этого времени², но исследований трансформации отношения Петербурга к Берлину, её причин и перспектив до сих пор нет.

Россия и Пруссия практически одновременно вошли в разряд «держав первого ранга», как *Анисимов Максим Юрьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник.*
E-mail: anisimovm@list.ru

в XVIII в. назывались великие державы. Россия сделала это первой, в Великой Северной войне 1700-1721 гг. победив Швецию и лишив её роли великой державы. После смерти Петра Великого Россия приостановила движение в Европу, занятая внутренними проблемами и обеспечением безопасности своих границ. Только с восшествием на российский престол императрицы Елизаветы Петровны в 1741 г. Россия вновь смогла заняться укреплением в числе европейских великих держав, к которым тогда относились Австрия, Франция и Англия.

В это же время претензии на великодержавие выдвинула Пруссия. Её король Фридрих II, взойдя на престол в 1740 г., используя как армию, подготовленную ещё его отцом, так и собственные ум, хитрость и полководческий талант, стремительными походами в войне за Австрийское наследство разгромил Австрию и отнял у неё часть её богатой и населённой провинции Силезии.

Россия к тому времени оказалась в союзе с обеими воюющими сторонами – союз с Веней был заключён ещё в 1726 г., союз с Берлином – в декабре 1740 г. Однако в европейской войне Петербург участия не принимал, подвергнувшись атаке со стороны Швеции, в войне 1741-1743 гг. безуспешно пытавшейся взять реванш за территориальные потери в Северной войне.

Новое правительство Елизаветы Петровны, пришедшее к власти при поддержке французского посла маркиза де ла Шетарди, было настроено на дружественные отношения как с Францией, так и с союзной ей в войне за Австрийское наследство Пруссией. В день переворота, 25 ноября 1741 г., Елизавета известила Фридриха II о том, что желает сохранить дружбу и союз с Пруссией³. Фридрих II также устроил переворот, свергнувший ориентировавшееся на Вену правительство Анны Леопольдовны (регента при Иоанне Антоновиче, её малолетнем сыне).

В июле 1742 г. Берлин и Петербург начали переговоры о возобновлении союза. К тому

времени Фридрих II заключил сепаратный мир с австрийской государыней Марией-Терезией, к которому, по прусской просьбе, присоединилась в качестве гаранта Россия. Камнем преткновения стало нежелание России гарантировать Пруссии только что завоёванную ею часть Силезии. В Петербурге считали, что такая гарантия на захваченные силой бывшие австрийские земли может втянуть Россию в европейские конфликты, в то время как она продолжает войну со Швецией.

Берлину пришлось удовлетвориться общей гарантией всех прусских владений в проекте договора с Россией. Договор об оборонительном союзе между Россией и Пруссией был подписан 16 (по новому стилю 27) марта 1743 г.

Несмотря на союз, отношения России и Пруссии не улучшались. В Петербург доходили известия о попытках Фридриха II создать собственную партию в Польше и вмешаться в территориальные раздоры местных магнатов, а также о его попытках подкупить дворян в Курляндии с целью избрания курляндским герцогом принца Генриха Прусского, брата Фридриха II. Петербург уже давно рассматривал Польшу как зону своих интересов, стремясь закрепить в ней своё преобладающее влияние. Это же относилось и к Курляндии, формально польскому владению, но фактически давно зависимой от России. Курляндия не имела герцога, так как её прежний правитель, герцог Э.И. Бирон, регент при малолетнем императоре Иоанне Антоновиче, был сослан в Сибирь ещё Анной Леопольдовной, занявшей его место. Елизавета, придя к власти, пыталась устроить на опустевшее место герцога служившего в России принца Л.-В. Гессен-Гомбургского и просила Фридриха II помочь в этом. Внешнеполитические интересы России и Пруссии в Восточной Европе начали сталкиваться.

В это же время в Петербург дошли известия об истинном и совсем не дружественном отношении Фридриха II к России. 1 января 1743 г. русский посланник в Берлине граф П.Г. Чернышев сообщил в Петербург о своём разговоре с французским послом в Пруссии маркизом де Валори. Француз сказал Чернышеву, что прусский двор одновременно ненавидит Россию и боится её⁴. Чернышев проверил эти сведения у других лояльных России людей в Берлине и убедился, что они верны. Со своей стороны посланник добавлял в донесении в Петербург, что до сих пор у него нет сведений о каких-либо антироссийских действиях Фридриха II. Однако, по мысли посланника, прусский король действительно в любой ситуации ищет только своей выгоды и особые надежды на союз с ним возлагать не нужно.

Переломным для русско-прусских отношений стал 1744 г. К тому времени Россия успешно завершила войну со Швецией и теперь могла уделить европейским делам больше внимания.

В Пруссию получил назначение посланником России граф Михаил Петрович Бестужев-Рюмин, старший брат елизаветинского канцлера Алексея Бестужева-Рюмина.

В самой Европе в это время Саксония, всегда подчёркивавшая свою лояльность к России, подписала союзный договор с Австрией и вскоре после этого – с Россией. Все эти события проходили на фоне ухудшавшихся прусско-саксонских отношений. В Дрездене также стали опасаться своего агрессивного северного соседа. Фридрих II, противодействуя Саксонии, усилил интриги в Польше, королём которой был саксонский курфюрст Август III.

Прибывший в Берлин М. Бестужев-Рюмин практически сразу стал сообщать об интригах Фридриха II против Августа III в Польше. По сведениям посланника, Фридрих планировал присоединить к себе Польскую Пруссию. М. Бестужев-Рюмин подтвердил прежние сообщения своего предшественника П.Г. Чернышева о том, что прусский король опасается только России, ибо только она одна в состоянии помешать его далекоидущим планам, особенно в отношении Польши. Посланник, в молодые годы учившийся в Берлине и бывавший там как дипломат позже, поражался, как быстро выросли военные силы новой державы – дед Фридриха II имел не более 20 тысяч солдат, у его отца было 80 тысяч, у самого Фридриха уже есть 140 тысяч, и в скором времени это число может вырасти до 200 тысяч. По мысли М. Бестужева-Рюмина, целью всей политики Фридриха II является расширение своих владений и, как результат этого, увеличение влияния Пруссии в Европе⁵. С июня 1744 г. М. Бестужев-Рюмин в своих донесениях практически непрерывно повторяет российскому правительству эти свои слова. Он утверждал, что в настоящий момент прусский король опасается России и ничего против неё не предпринимает, а в будущем он обретёт влияние в европейских странах, в Швеции, покусится на Польскую Пруссию, утвердит своего короля в Польше, заключит союз с Францией – всё для того, чтобы вернуть Россию в прежние границы.

Не довольствуясь официальными реляциями, Михаил Бестужев-Рюмин 7 августа 1744 г. отправил личное секретное письмо своему младшему брату Алексею Бестужеву-Рюмину, назначенному в апреле того же года канцлером, в котором просил «чтобы вы, Бога ради, без упущения времени такие меры восприяли, чрез которые бы здешний двор от наибольшего его усиления заблаговременно удержать», ведь, одолев Австрию, союзника Петербурга, Фридрих II подчинит своему влиянию исторических противников России – Швецию и Польшу и обратит их против неё. Посланник писал канцлеру: «Мне, mon très cher frère, весьма необходимо нужно быть кажется,

чтоб, ежели у нас ещё никакой прямой систем⁶ не принят, то чтоб вы ныне обще с товарищем вашим⁷ твердый и наилутче пристойной систем взяв, чинить план и по оному поступать⁸.

В самом Петербурге его брат, тогда ещё вице-канцлер А. Бестужев-Рюмин, придерживался той же точки зрения и настаивал перед Елизаветой о необходимости борьбы с прусским влиянием в Восточной Европе. 14 января 1744 г. он докладывал императрице об опасности заключения брака между шведским наследником престола Адольфом-Фридрихом и сестрой прусского короля Луизой-Ульрикой. А. Бестужев-Рюмин считал, что это вредит российским интересам, ибо приведёт к усилению в Швеции влияния опасной для Петербурга Пруссии и, в итоге, к враждебности между Россией и Швецией. Елизавета Петровна отказалась следовать совету вице-канцлера расторгнуть этот брак, заявив, что Фридрих II никаких антироссийских действий сейчас не предпринимает и только он и Франция оказывают к русскому двору дружеское расположение⁹.

Фридрих II, считая, что именно Бестужевы-Рюмины ответственны за антипруссские настроения в Петербурге, пытался их подкупить или запугать шантажом, сообщив в Берлине Михаилу Бестужеву-Рюмину, что ему известно о том, что А. Бестужев-Рюмин взял у англичан 100 тысяч гиней для создания проанглийской партии. Посланник сообщил обо всём Елизавете, заявляя, что он уверен в своём брате и тот защищает только интересы своей государыни¹⁰.

По поручению Фридриха II его посланник в Петербурге барон А. фон Мардефельд через посредника, а затем и лично предложил А. Бестужеву-Рюмину 50 тысяч рублей в обмен на лояльность. Об этом канцлер тоже сообщил Елизавете Петровне¹¹.

Посланник Михаил Бестужев-Рюмин, оторванный от двора, всё больше беспокоился в своих донесениях о стремительном усилении Пруссии, сообщая, что интересы России просто требуют положить предел росту прусского могущества, ибо Фридрих II уже имеет сильное влияние как в Польше, так и во враждебной России Швеции.

Начало Фридрихом II в августе 1744 г. Второй Силезской войны окончательно определило антипрусскую направленность внешней политики России. Фридрих II нарушил заключённый им мир с Австрией, к которому он сам просил присоединиться Россию, тем самым показав, что ни на один договор, заключённый с Пруссией, Петербургу нельзя полагаться. Очередным успешным нападением на Австрию, занятую тогда войной с Францией, Фридрих II продемонстрировал, что способен скоро сокрушить Вену, союзника России по борьбе с Турцией. По пути в австрийские владения Фридрих II вторгся в Саксонию (не

объявляя ей войны и не сражаясь с её армией), чем стал угрожать лишением России союзника, с которым правительство Елизаветы совсем недавно заключило договор о военной помощи. Доходившие из разных источников сведения об антирусских интригах Фридриха II в Польше, Курляндии, Швеции и Турции дополнили в глазах Петербурга общее представление о Пруссии как враждебной России и опасной для неё в будущем время державе.

Политика Фридриха II стала отправной точкой формирования в этот год российским канцлером Алексеем Бестужевым-Рюминым своей внешнеполитической системы, которой он сам дал название «Система Петра Великого». Этой системе он был верен вплоть до начала Семилетней войны. Целью «системы», сложившейся в представлении А. Бестужева-Рюмина к августу 1744 г. (ещё до того, как он получил письмо своего брата с предложением создать такую систему), сам канцлер назвал распространение влияния России на континенте (вплоть до «предписания законов всей Европе») и приведение её в безопасность от других держав¹². Средством достижения указанных целей Бестужев-Рюмин считал союз России с Австрией, Саксонией-Польшей и «морскими державами», то есть Англией и Голландией. Он представлял, что ради интересов России нужно выполнить те обязательства, которые она имеет перед своими союзниками, следовательно, необходимо помочь Саксонии в войне с Пруссией и тем положить предел росту прусского влияния в Европе. Об этом А. Бестужев-Рюмин писал в письме к своему заместителю вице-канцлеру графу М.И. Воронцову 11 августа.

11 сентября 1744 г. уже сам Воронцов подал Елизавете письменное мнение относительно опасности, исходящей от Пруссии. Мнение было поддержано подписями трёх других влиятельных членов Коллегии иностранных дел и отдельно Бестужевым-Рюминым. Воронцов писал, что успехи Фридриха II могут привести к полному разгрому австрийского дома и потери им почти всех владений. Его антикоролевские действия в Польше в итоге закончатся утверждением на польском престоле прусского ставленника, который, в угоду Фридриху II, может выдвинуть России претензии на Левобережную Украину, Смоленск и Лифляндию. Проблемами Петербурга тут же воспользуются Швеция, Дания, Турция и Персия. Помочь России в случае победы в войне за Австрийское наследство Пруссии и её союзников не сможет уже никто – Австрия будет бессильна, Англия будет связана разорением Ганновера, а Саксония в случае лишения её курфюрста польского престола будет незначительным государством. Поэтому, по мысли канцлера, Россия должна в идущей в Европе войне выступить на стороне Австрии и спасти её от разгрома, чтобы в дальнейшем по-

прежнему иметь союзника в европейских делах и на турецком направлении. Для этого необходимо разместить в Лифляндии и на границах с Польшей готовый к выступлению военный корпус, подписать новые договоры с союзниками и заявить в Польше, что Россия не допустит никакого антикоролевского восстания и защитит её от иностранного вторжения¹⁵. В это же время Елизавета гарантировала саксонскому посланнику защиту его страны в случае нападения на неё.

Впрочем, австрийцы быстро выровняли положение и уже в ноябре того же года Фридрих II отступил из Богемии. Спешная российская помощь в поддержке Австрии не требовалась. Однако летом следующего, 1745 г. Фридрих II вновь переломил ситуацию в войне на свою сторону, в августе вторгся в Саксонию с объявлением ей войны.

В сентябре 1745 г. императрица назначила придворную конференцию по вопросу о том, «следует ли допустить усиление прусского короля или оказать помощь саксонскому курфюрсту». На нескольких заседаниях конференции с участием самой императрицы было принято решение, что усиление Пруссии несёт угрозу российским интересам, что необходимо оказать помощь Августу III и сообщить о подготовке войск Фридриху II, чтобы тот прекратил войну. В Прибалтике было приказано передвинуть готовый к выступлению корпус, другие части армии придвигались ближе к западным границам¹⁴.

Когда подготовка отправки русского корпуса на запад была в разгаре, Фридрих II, прекрасно понимая угрозу со стороны России, вышел из войны с Австрией и Саксонией, подписав с ними 25 декабря 1745 г. Дрезденский мир. Но Петербург, остановив отставку корпуса против Пруссии, не отводил войска из Прибалтики. В 1746 г. был заключён русско-австрийский оборонительный союз, и нахождение находившегося в боевой готовности корпуса русских войск в Прибалтике с этого времени оправдывалось и готовностью оказать помощь Австрии. В этот же год Россия подписала и конвенцию с Англией, по которой за денежные субсидии 30-тысячный русский корпус отправлялся воевать на Рейн против французов. Корпус уже был в западной части Германии, когда стороны заключили Ахенский мир 1748 г. Русские вернулись обратно, не снискав военных подвигов, но повлияв на стремление Франции прекратить войну.

Мир в Европе не изменил готовность России к войне с Пруссией. По решению Петербурга всё последующее время до начала Семилетней войны в Прибалтике стоял в готовности русский корпус, чтобы иметь возможность отреагировать на любые неожиданные действия Фридриха II.

Интересно рассмотреть и отношение прусского короля к России в это же время. В 1752 г.

Фридрих II напишет своё так называемое «Первое политическое завещание», которое впервые будет опубликовано только в 1920 г. Прусский король считал, что у России и Пруссии нет глубинных причин для вражды, Россия для него – «враг случайный». Причиной враждебного отношения России к Пруссии является исключительно подкупленный Австрией и Англией канцлер Алексей Бестужев-Рюмин. Фридрих в целом верно оценил основные направления политики русского двора – сохранение влияния в Польше, поддержание хороших отношений с Австрией, чтобы противодействовать Турции, и сохранение влияния в делах Севера, то есть на Балтике¹⁵. Но, несмотря на мнение о том, что Россия – «случайный враг», Фридрих всё равно считал, что Россия всегда будет таить угрозу. Призывая своих наследников присоединить польские города Торунь, Эльбинг, Мариенвердер и в целом северное течение Вислы, он писал, что это сведёт на нет все возможные действия России против его страны. Однако войны с Россией, по мысли короля, максимально следует избегать¹⁶. Но при этом сам Фридрих, хоть и признавая химеричность такого проекта, тут же рассуждал о возможной войне Пруссии и Швеции против России за Ливонию, после которой Пруссия могла бы получить Шведскую Померанию или, возможно, саму Ливонию¹⁷.

Для противодействия России Фридриху была нужна сильная Швеция (в которой её король восстановит прежнюю абсолютную власть времен короля Карла XII и ликвидирует ослаблявший Швецию парламентский режим) и будет нужна до тех пор, пока Россия будет столь же сильна, как была она сильна в 1752 г. Кроме этого, в интересах Пруссии было и сохранение анархии в Польше ради недопущения перехода польского трона к правящей в Австрии Лотарингской династии. В самой же России Фридриху была желательна гражданская война между сторонниками елизаветинской линии правящей династии и сторонниками свергнутого Ивана VI Антоновича, а также разделение страны между этими двумя династиями¹⁸. В случае войны Пруссией с Австрией и Саксонией Фридриху, чтобы отвлечь Россию, нужна была война России с Турцией¹⁹.

Очевидно двойственное отношение к России Фридриха II, который и сам по себе являлся достаточно противоречивой личностью. Прусский король явно считал Россию реальной угрозой своему государству, однако действовал так, что французская исследовательница Ф.-Д. Лиштенан (Liechtenhan) характеризует его политику по отношению к России как «одновременно и вызывающую, и беспечную»²⁰.

Фридрих в это время целеустремлённо проводил политику противодействия влиянию России в её традиционных сферах интересов: налаживал тайные контакты со Стамбулом, с почётом прини-

мал эмиссаров крымского хана, пытался усилить Швецию, заигрывал с польскими лютеранами и Курляндией. Но прусский король взялся за то, что оказалось ему не по силам. А. Бестужев-Рюмин, имея многочисленных информаторов по всей Европе, был осведомлён практически обо всех антироссийских действиях Фридриха II и сумел их нейтрализовать. Тайные действия прусского короля, стремившегося опередить Россию, отвлечь её другими проблемами «на всякий случай», на будущее, привели к обратному результату. Россия решила избавиться от опасности, исходящей из Берлина, раз и навсегда. Две новые великие державы европейской системы международных отношений, находящиеся по соседству, имевшие схожие геополитические планы в отношении Восточной Европы, опасаясь военной силы друг друга, стали врагами. Но если для России намерение противостоять Пруссии стало обдуманном решением и главным внешнеполитическим приоритетом, то для Фридриха II, стремящегося проводить экспансию по всем направлениям своих границ, обострение отношений с Россией стало всего лишь одной из многих проблем его внешнеполитических связей. Не расставив приоритеты своей внешней политики, предпочитая не создавать события, а пользоваться ими, Фридрих II заставил опасаться себя всех своих соседей. Его беспринципность по отношению к заключаемым им договорам оттолкнула от него возможных союзников, опасавшихся, что он может покинуть их в любой момент войны.

В результате Семилетнюю войну 1756-1763 гг. Фридрих II вёл фактически в одиночку (не считая денежной помощи Великобритании, ведшей с Францией собственную войну, и небольшой армии, сформированной родовым владением английского короля курфюршеством Ганновер). Ему противостоял союз трёх европейских великих держав – Австрии, России и Франции, к которому присоединились Швеция, Саксония и большинство германских государств, составивших имперскую армию.

К войне с Пруссией Россия начала готовиться с апреля 1753 г., когда в Петербург пришёл запрос английского правительства о том, окажет ли Россия военную помощь Британии, если пруссаки нападут на принадлежавший английскому королю Ганновер²¹. В этот момент англо-пруссские отношения в очередной раз обострились по целому ряду причин (например, отказ Фридриха II выплачивать займы, размещённые англичанами в австрийской тогда Силезии, создание прусским королём прусской Ост-Индской компании, территориальные споры во Фрисландии).

Петербург с готовностью согласился помочь Лондону и принял секретное решение о подготовке к войне с Пруссией в мае 1753 г. Тогда сановники Елизаветы Петровны приняли план,

по которому «только желаемое для пользы нашей империи сокращение сил короля прусского под именем простой помощи и большею частью на чужом иждивении в действо производиться может. Таким образом, почти желательным было, чтоб война в Европе прямо началась и король прусский в оную вмешался»²².

Переговоры российских и английских дипломатов привели к заключению Петербургской субсидной конвенции 1755 г., по которой Россия соглашалась отправить войска в обмен на английские субсидии в случае атаки третьей стороны на Ганновер. Петербург изначально подразумевал помощь в случае нападения Пруссии. Но из-за того, что конвенцию должен был бы утверждать английский парламент и её пришлось бы опубликовать, конкретные упоминания о Пруссии были заменены на нейтральные, чтобы не провоцировать Фридриха II на агрессию. В дополнение к конвенции Россия приложила декларацию о том, что договор имеет силу только в случае нападения на Ганновер прусского короля. В российских верхах сразу же стали опасаться, что Англия может втянуть Россию в ненужную Петербургу войну с Францией. Воевать за чужие интересы елизаветинское правительство уже не хотело, ему нужна была война именно с Пруссией.

Англичане, видя настороженность России, на всякий случай заключили такой же договор о военной помощи в случае нападения на Ганновер и с Пруссией, тем самым дав толчок «дипломатической революции» и «renversement des alliances», перемене союзов, когда прежние европейские союзы – австро-англо-русский и франко-пруссский – трансформировались в австро-франко-русский и англо-пруссский. Фридрих II охотно пошёл на заключение договора с Англией, так как думал, что это обезопасит его от России, воюющей, как он считал, только на английские деньги и с тем, с кем скажет Лондон²³.

Фридрих ошибся, не зная истинных причин сближения Англии и России в деле защиты Ганновера. Елизаветинское правительство просто хотело воевать с Пруссией под видом оказания помощи союзникам и за их счёт. Это была идея канцлера А.П. Бестужева-Рюмина. 16 января 1756 г., уже после известия о заключении Вестминстерского договора, он писал в представлении императрице, уговаривая её всё же ратифицировать англо-русскую субсидную конвенцию, вспоминая заседания 1753 г. и слова своих политических противников: «в держанных в Москве при дворе конференциях все единогласно кричали: надобно за усмирение короля прусского принятись, не смотря, станут ли в том союзники содействовать или нет, только бы здешняя армия умножена была. Теперь, когда сие умножение сделано и дело идет не о том, чтоб самим и одним короля прусского атаковать, а только о том, чтоб по-

могать против него союзникам, след[овательно], приводить его под чужим именем и с помощью чужих денег в бессилие, то вдруг те же самые против подания помощи спорят, которые прежде советовали и подписали, несмотря ни на что, самим атаковать»²⁴.

Однако ошибся и российский канцлер. После сближения Лондона и Берлина Россия в деле защиты Ганновера оказалась фактическим союзником своего главного противника – Фридриха II. Естественно, императрица, сославшись на приложенную ранее к договору декларацию, отказалась выполнять конвенцию с Англией.

Франция, оставленная Фридрихом II (который теперь обязывался помогать Англии против своего бывшего союзника) пошла на сближение с Австрией, которая сохранила свой антипрусский союз с Россией. Война в Европе назревала, и Австрия сосредотачивала всё новые полки у прусских границ. Фридрих II, сознавая, что ошибся в расчётах и влияние английских денег в Петербурге преувеличено, видя складывающуюся против него коалицию трёх мощных европейских держав, решил атаковать противников до того, как они смогут собраться с силами и предпринять против него согласованные действия. 17(28) августа 1756 г. прусский король начал Семилетнюю войну вторжением в Саксонию и далее в австрийские владения.

Российские власти ещё в марте этого же года, до начала Семилетней войны, в нескольких протоколах заседаний главных советников Елизаветы так сами сформулировали главную цель своего участия в войне против Пруссии: не допустить дальнейшего усиления влияния прусского короля, более того, сократить его силы и сделать его неопасным для России²⁵.

Отвечавшая за внешнеполитические дела России Коллегия иностранных дел в первых числах марта 1756 г. представила Елизавете Петровне доклад. В нём говорилось, что после своих военных побед в войне за Австрийское наследство и захвата Силезии Фридрих II вынуждает Россию оглядываться на него в каждом своём внешнеполитическом действии. Поэтому вся прежняя внешнеполитическая система Петербурга имела главной целью воспользоваться любым случаем для возвращения Пруссии в прежнее состояние обычного германского курфюршества²⁶.

Позже, в 1760 г., российское правительство так сформулировало причины войны в рескрипте к командующему российской армией фельдмаршалу П.С. Салтыкову: «Мы [...] принуждены брать в уважение, сколько с начала усиления короля прусского истощено наше государство рекрутскими поборами, умножением армии и всегдашним содержанием великих сил на лифляндских границах в готовности к тому, чтоб удерживать короля прусского от вредных его предприятий; сколько

раз империя наша находилась в крайней опасности, если бы Оттоманская Порта вознамерилась объявить нам войну, и мы были бы принуждены обороняться против неё и в то же время опасаться со стороны Пруссии. Необходимость заставляла нас рано или поздно самим начать эту войну, если бы даже король прусский не начал её, ибо этот прежде от всех своих соседей зависевший государь захотел, наконец, все дворы привести в зависимость от себя; он всего от всех требовал, а сам никого ни в чем не хотел удовлетворить [...]. Если король прусский в нынешнюю войну ослаблен не будет, то значение его несравненно более увеличится, ибо свет увидит, что он непобедим; а наше и союзников наших влияние много пострадает [...]. В таком случае империя наша, если б и не подверглась большей, чем венский двор, опасности, однако гораздо более была бы исключена из участия в европейских делах, ибо король прусский, стоя на дороге, пресекал бы навсегда нам сообщение с венским двором, и мы оставались бы окружены или неприятелями, или ненадежными соседями»²⁷.

Можно отметить, что даже в нынешнее время у российских историков нет единодушия в вопросе о целях России в Семилетней войне. Пятитомная «История внешней политики России», касаясь планов обмена Восточной Пруссии на Курляндию и установления границ с Польшей, способных покончить взаимные споры по этому поводу, а также планов контроля над торговлей по линии «Балтийское море – Черное море», пишет относительно целей России в Семилетней войне: «Планы у русского правительства были достаточно обширные, но решить оно было должно прежде всего главнейшие проблемы: достижение выхода к Чёрному морю и воссоединение с Россией украинских и белорусских земель»²⁸.

Апологет императора Петра III (в 1762 г. после смерти Елизаветы Петровны прекратившего войну против Пруссии) А.С. Мыльников вообще отрицал, что Россия участвовала в Семилетней войне ради собственных интересов: «участие в антипрусской коалиции как раз менее всего отвечало национальным интересам России, делая её фактическим поставщиком пушечного мяса для союзников, в первую очередь – австрийской монархии»²⁹.

Е.В. Анисимов считает, что «в отечественной историографии, особенно последних пяти десятков лет, Семилетняя война 1756-1763 гг. представляется как борьба России против прусского милитаризма, против той опасности, которую нес европейским народам завоеватель Фридрих II. [...] И это было правдой, но не всей. Нужно говорить не просто о русских, а тем более – национальных интересах, а именно об имперских интересах России, о далеко идущих планах экспансии и распространения влияния Петербурга на другие страны.

В этом смысле Россия вела себя совершенно так же, как и другие империи-захватчики»⁵⁰.

Анализ основных документов елизаветинского правительства, касающихся отношения к Пруссии накануне Семилетней войны, позволяет утверждать следующее. Война против Фридриха II для России была её первой войной за политическое влияние в Европе, первой для неё геополитической войной европейского масштаба, войной против опасного конкурента, почти одновременно с Россией ворвавшегося в разряд европейских великих держав и пытавшегося ослабить её, интригуя против русских интересов не только в европейских столицах, но и на всём доступном для него протяжении российских границ.

В Семилетней войне Фридрих II 6 лет выдерживал натиск трёх держав и их союзников, успевая наносить своим противникам удары до того, как они смогут одновременно выйти на театр военных действий. Однако к концу 1761 г. силы Пруссии истощились. Русские, так и ни разу не побеждённые королём на поле боя, оккупировали Восточную Пруссию и часть Померании с крепостью Кольбергом, готовясь весной 1762 г. вторгнуться в сердце Бранденбурга. Австрийцы контролировали половину Силезии с Бреславлем и графство Глац. Шведы, заняв часть прусской Померании, начали зимнее наступление в направлении Бранденбурга. Английское правительство, полностью победившее французов в колониях, уже не нуждалось в помощи Пруссии, помогавшей связывать французским силам руки в Европе, и отказало Фридриху II в дальнейших военных субсидиях.

Главная цель войны для России была близка как никогда. Правительство австрийской императрицы-королевы Марии-Терезии, сознавая, что русская армия является главной силой антипрусской коалиции, в секретных статьях новых русско-австрийских договоров уже пообещало на будущих общеевропейских мирных переговорах поддержать претензии России на Восточную Пруссию (при условии возвращения ей захваченной Фридрихом II Силезии)⁵¹. Франция, слабейшая из держав коалиции, хотя и выражала недовольство такими планами России, предпочла передать решение этого вопроса австрийцам, не зная, что Вена в спорах о территориальных изменениях уже поддержала Петербург. Англия, и во время войны сохранявшая дружественное отношение к Петербургу, не возражала против русских претензий. Без Силезии и Восточной Пруссии государство Фридриха II навсегда бы оставило свои планы по вхождению в число европейских великих держав, а сам король уже никогда бы не получил почётный титул «Великий». Россия же оказалась в шаге от того, чтобы стать первенствующей европейской державой. Победы её армий обеспечили её дипломатии самые выгодные по-

зиции на будущем европейском конгрессе. Была даже готова своеобразная идеология будущей оценки правления Елизаветы.

Посланник в Лондоне князь А.М. Голицын изложил в реляции от 4 февраля 1760 г. свою концепцию исторической роли правления Елизаветы Петровны для обеспечения в Европе достойного места для России. А. Голицын писал, что «по настоящему, а особенно здешним (т. е. английским. – М.А.) обстоятельствам не совсем бы невозможно было, толь паче имея к тому весьма полезный способный случай, чтоб вышепомянутое завоевание Королевства Прусского (имеется в виду Восточная Пруссия. – М.А.) вашему императорскому величеству будущим миром вовсе себе утвердить, и тем как распространить европейские границы вашего величества империи, так и умножить славу высочайшего вашего имени и щастливого государствования. Последующие веки не могут иначе как признать, что ваше императорское величество, равно как и вечной памяти достойный отец ваш император Петр Великий, от Бога избраны, чтоб каждый в свое преславное государствование дальновидные намерения королей прусского и шведского [...] уничтожить», лишив их сил и тем защитить всю Европу от их властолюбия⁵². Уже в следующем, 1761 г. А.М. Голицын был назначен вице-канцлером России.

Следует отметить, что в секретных планах Петербурга, сформулированных ещё в 1756 г., не планировалось оставлять Восточную Пруссию в составе России, её намеревались в результате последующих переговоров с Польшей обменять на Курляндию и часть территории польской Украины и Белоруссии⁵³. России не нужны были земли Фридриха II, война велась ради ликвидации великодержавного статуса Пруссии.

В планируемую кампанию 1762 г. русская и австрийская армии готовились нанести Фридриху II последний удар. Испанский посланник в России маркиз де Альмодовар писал своему двору 14(25) декабря 1761 г., что российское правительство приняло план кампании на следующий год, по которому основной удар русской армии должен был быть направлен в центр бранденбургских владений Фридриха II, был предусмотрен и набор 40 тысяч рекрутов, план ожидал лишь утверждения болеющей императрицей⁵⁴.

Для последнего удара по прусскому великодержавию не хватило всего лишь нескольких месяцев жизни Елизаветы. Она умерла 25 декабря 1761 г., и сменивший её на русском престоле Пётр III, никогда и ранее не скрывавший пропрусской ориентации, вывел Россию из антипрусской коалиции и заключил с Фридрихом II мир, вернув ему все его занятые русскими владения. Пруссия как великая держава была спасена. С австрийцами и французами Фридрих II воевал куда удачнее, и в 1762 г. он выбил австрийцев из Силезии,

которая по условиям Губертусбургского мира 1763 г., завершившего Семилетнюю войну, была окончательно закреплена за Пруссией.

При Петре III был заключён и первый русско-пруссский союз, когда обе страны выступали в качестве великих держав. Впрочем, Пётр III правил только полгода, свергнутый 28 июня 1762 г. Екатериной II, и тот союз так и не был ратифицирован. Екатерина II не продолжила елизаветинскую войну с Пруссией, хотя обнародованный в день переворота манифест новой императрицы среди прочих вин Петра III называл заключение им мира со «злодеем», из-за чего предана русская слава, полученная ценой больших потерь³⁵. Прошло всего несколько дней, и из нового подробного манифеста Екатерины эти слова исчезли. Екатерина II сохранила мир с Пруссией и, таким образом, вопреки первым словам продолжила политику не Елизаветы, а свергнутого ею Петра III.

Политика, направленная на сближение с Пруссией, была продолжена Екатериной и далее. Не ратифицировав союз Петра III с Пруссией, императрица в 1764 г. заключила свой договор с Фридрихом II, став тогда единственным его союзником. Причём тайные переговоры о заключении оборонительного союза между Россией и Пруссией начались ещё зимой 1762-1763 гг., когда между Берлином и Веней ещё шли переговоры о завершении Семилетней войны³⁶.

Тем самым Екатерина внесла весомый вклад в будущее появление на карте Европы Германской империи, объединённой в 1870 г. именно Пруссией. Пруссией, утвердившейся в числе европейских великих держав благодаря столь счастливо закончившейся для неё в 1762 г. войне с Россией.

Фридрих II после Семилетней войны осознал свои ошибки в недооценке могущества России, едва не погубившей все его действия по выведению Пруссии в число европейских держав. Он больше не раздражал Россию и не пытался одолеть её в традиционных сферах российского влияния, предпочитая с выгодой договариваться с Петербургом, самым ярким итогом такой политики стали разделы Речи Посполитой. Но и сам Фридрих II оказал, хотя и не желая того, огромное влияние на формирование первой настоящей российской внешнеполитической концепции в Европе, на формулирование Россией своих геополитических интересов, на осознание русским правительством реальной силы собственной страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Феоктистов Е.М. Отношения России к Пруссии в царствование Елизаветы Петровны. М., 1882.

² Ивонин Ю.Е. Отношение прусской дипломатии к России в начале войны за австрийское наследство // Вестник Удмуртского университета. 2011. №5-1; Собко

Е.М. Россия, Пруссия и «австрийское наследство»: проблемы внешнеполитической стратегии петербургской дипломатии // Вестник Московского Государственного Областного университета. Серия «История и политические науки». 2012. №5; Емелина М.А. Российско-пруссские отношения во внешнеполитической «системе» А.П. Бестужева-Рюмина (1741-1750): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2005; Анисимов М.Ю. Российская дипломатия в середине XVIII века (От Ахенского мира до начала Семилетней войны). М., 2012; Анисимов М.Ю. Семилетняя война и российская дипломатия в 1756-1763 гг. М., 2014.

³ Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф.74. Сношения России с Пруссией. Оп.1. 1741 г. Д.3. Л.10б.

⁴ Там же. 1743 г. Д.5а. Л.9об.

⁵ Там же. 1744 г. Д.10. Л.50.

⁶ В тогдашнем русском языке слово «система» являлось синонимом внешнеполитической программы. М. Бестужев-Рюмин употребляет французское произношение этого слова – «систем» в мужском роде.

⁷ Имеется в виду М.И. Воронцов, назначенный вице-канцлером одновременно с назначением А.П. Бестужева-Рюмина канцлером.

⁸ Там же. Л.180-182.

⁹ АВПРИ. Ф.2. Внутренние коллежские дела. Оп.1. 1744 г. Д.25. Л.11-12об.

¹⁰ Там же. Ф.74. Сношения России с Пруссией. 1744 г. Д.10. Л.108-111об.

¹¹ Там же. Д.12. Л.239-239об.

¹² Письма графа А.П. Бестужева-Рюмина к графу М.Л. Воронцову // Архив князя Воронцова. Кн.2. М., 1870. С.21.

¹³ АВПРИ. Ф.2. Внутренние коллежские дела. Оп.1. 1744 г. Д.25. Л.170-175.

¹⁴ АВПРИ. Ф.74. Сношения России с Пруссией. Оп.1. 1745 г. Д.12. Л.1-7.

¹⁵ Die Politischen Testamenten Friedrich's des Grossen. Red. G.B. Volz. Berlin. 1920. S.42.

¹⁶ Ibid. S.64.

¹⁷ Ibid. S.64-65.

¹⁸ Ibid. S.73-75.

¹⁹ Ibid. S.62-63.

²⁰ Лиштенан Ф.-Д. Россия входит в Европу: Императрица Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство. М., 2000. С.248.

²¹ АВПРИ. Ф.35. Сношения России с Англией. Оп.1. 1753 г. Д.758. Л.55.

²² Из бумаг елизаветинской конференции // Архив князя Воронцова. Кн.3. М., 1871. С.379.

²³ Frédéric II. L'Histoire de la Guerre de Sept ans // Œuvre posthumes de Frédéric II, roi de Prusse. T.III. Berlin, 1788. P.67-68.

²⁴ Из бумаг елизаветинской конференции // Архив князя Воронцова. Кн.3. М., 1871. С.361-362.

²⁵ Протоколы Конференции при Высочайшем дворе // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т.136. СПб., 1912. С.3, 4, 33.

²⁶ Там же. С.24.

²⁷ Цит. по: Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. 1749-1761. Кн.ХII. М.-Харьков, 2003. С.722-723.

²⁸ История внешней политики России. XVIII век. М., 2000. С.104.

²⁹ Мыльников А.С. Пётр III. М., 2009. С.179.

³⁰ Анисимов Е.В. Елизавета Петровна. М., 2002. С.341.

- ³¹ Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. I. Трактаты с Австрией 1648-1762. СПб., 1874. С.301.
- ³² АВПРИ. Ф.35. Сношения России с Англией. Оп. 1. 1760 г. Д.812. Л.28об.-29.
- ³³ Протоколы Конференции при высочайшем дворе // Сборник русского исторического общества. Т.136. СПб., 1912. С.33.
- ³⁴ Correspondencia diplomática del marques de Almodovar, ministro plenipotenciario cerca de la corte de Rusia 1762-1763 // Colección de documentos inéditos para la historia de España. T.108. Madrid. 1893. P.91, 86.
- ³⁵ Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II. 1762-1774. СПб., 1896. С.35.
- ³⁶ Гребенщикова Г.А. Балтийский флот в период правления Екатерины II. СПб., 2007. С.40.

**RUSSIAN-PRUSSIAN RELATIONS IN THE 1740-50s AND THEIR ROLE
IN THE FOREIGN POLICY BY ELIZABETH, THE EMPRESS OF RUSSIA**

© 2015 M.Yu. Anisimov

Institute of the Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow

The article contains analysis of the relations between Russia and Prussia in 1740-50th. Both states at the same time entered the circle of the great European powers, and their interests in Eastern Europe began to collide with each other. The conflicts of interests had led to the open military confrontation between Russia and Prussia in Seven Years' War (1756-1763) which created an opportunity to deprive Prussia of its great power status and to put an end to its contention with Russia.

Keywords: Russia, Prussia, Frederick the Great, Elizabeth I of Russia, Russian diplomacy.